

Григорий Юдин

Теда Скочпол. Государства и социальные революции: Сравнительный анализ Франции, России и Китая. Пер. с англ. Сергея Моисеева под науч. ред. Дмитрия Карасева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с. ISBN 978-5-9325-5491-3.

Григорий Юдин – старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Адрес: ул. Мясницкая, 11, ком. 530, Москва, 101000, Россия. gregloko@yandex.ru.

Столетие революции в России было отмечено оглушительным молчанием: ни одна из основных групп, борющихся за направление исторической политики в стране, не предприняла заметных усилий для того, чтобы опереться на наследие Октября или Февраля. В то же время события вековой давности в России по-прежнему понимаются во всем мире как одна из важнейших вех современной мировой истории. Такой очевидный дисбаланс интерпретаций указывает на исключительное значение самой идеи революции для сегодняшней российской политики. Пожалуй, никакое другое понятие не вызывает сегодня таких интенсивных политических эмоций.

Когда в России нет интереса к одному из фундаментальных событий собственной истории, остается важный интеллектуальный ход – перевод на русский язык классических исследований, осмысливающих феномен революции. Это должно помочь встроить Россию в контекст международных дискуссий о революции. Именно так поступило в год юбилея издательства Института Гайдара, выпустившее знаменитую книгу Теды Скочпол о причинах трех крупнейших революций. Теда Скочпол – один из лидеров и безусловный авторитет в современной американской политической науке.

Работа Скочпол вышла в 1979 году и быстро стала классикой не только в исследованиях революции, но и в теории государства, а также в сравнительной истории в целом. Причина такого успеха состоит в том, что Скочпол удалось совершить своего рода идеологический прорыв, преодолев узость всех господствовавших в тот момент в США взглядов на революцию (а также на общественный конфликт в широком смысле). Несмотря на острые споры между собой, все основные теории революции 1970-х годов отличались, как сказал бы Юрий Давыдов, «стабилизационным сознанием» (1995). Структурный функционализм в варианте Челмерса Джонсона (Johnson 1964) объяснял революции кризисом ценностных ориентаций общества: сегодня мы сказали бы, что в нормальном состоянии общество скреплено господствующими ценностями, и лишь когда происходит утеря контроля, люди начинают искать новые ценности и становятся добычей революционных движений. Психологическая гипотеза Теды Гарра (Gurr 1970) с чуть большим вниманием относилась к субъективному опыту, предполагая, что революции находят питательную почву там, где люди начинают испытывать депривацию. Однако за этим также стоит убеждение в том, что естественным образом люди находятся в

состоянии психологического комфорта, и лишь когда оно нарушается явным осознанием того, что ты не получаешь по заслугам, возникают стимулы к революционному действию. Наконец, влиятельная концепция Чарльза Тилли (Tilly 1978), по крайней мере, замечает в обществах динамические изменения, поскольку предполагает, что революция является лишь радикальным случаем мобилизации в рамках постоянно существующих социальных конфликтов. Впрочем, и Тилли не склонен смотреть на революции как на форму социального прогресса, сводя их к успешным стратегиям определенных движений.

Скочпол видит в революции не чей-то недосмотр или плачевный результат раздутых индивидуальных амбиций. Для нее социальные революции – а книга сфокусирована именно на социальных преобразованиях, то есть «быстрых, фундаментальных трансформациях государственных и классовых структур общества» (с. 25) – являются прогрессивным изменением общества, вызванным структурными причинами. В духе американского аналитического марксизма Скочпол смотрит на историю как на поле взаимодействия (не обязательно столкновения) социальных классов, и поэтому для нее революционные процессы не могут быть объяснены действиями отдельных личностей и групп: в книге всего по 2–3 раза упоминаются имена Робеспьера, Ленина, Мао. А значит, относительно индивидов революционные процессы порождаются исторически объективными тенденциями, пусть даже классическая схема Маркса сильно недооценивала множественность и разнообразие этих тенденций. Более того, Скочпол утверждает, что революции, как правило, являются непредвиденными результатами действий элит, которые как раз-таки сопротивляются начинающимся изменениям и в попытке законсервировать выгодную для них ситуацию разблокируют возможности для будущих революционных сил. Это, разумеется, не новая идея для истории революций (с ней выступали консервативные историки от Франсуа Фюре до Райнхарта Козеллека), однако для сегодняшней России она выглядит довольно поучительной, и Скочпол искусно показывает, каким образом во Франции XVIII века, России и Китае XX века относительно небольшие преобразования открывали шлюзы для лавинообразных потрясений.

Из рассматриваемых классов Скочпол выбирает в качестве наиболее значимого для революционного процесса крестьянство. С ее точки зрения, именно мобилизация крестьянского класса сыграла ключевую роль в падении старого режима, а особенности положения крестьянства во Франции, России и Китае определили контуры нового режима. Применительно к российскому случаю это означает, что Скочпол в сильной степени полагается на историю крестьянства, написанную Теодором Шаниным (Shanin 1972), используя его схему для объяснения того, каким образом большевики сначала получили решающее преимущество за счет поддержки общинного крестьянства, а затем обрушили на него вновь созданный после победы в Гражданской войне государственный аппарат. Взгляд Шанина на крестьянство как «странный», находящийся на обочине истории, но при этом стратегически важнейший класс прослеживается в интерпретациях всех революций, которые предлагает Скочпол. Благодаря такому подходу между всеми тремя случаями оказывается гораздо больше общего, чем предполагает стандартное

марксистское деление революций на «буржуазные» и «социалистические». Внимание к периферийным классам и их роли в политических трансформациях стало отличительной чертой подхода Скочпол: несколько лет назад она выпустила одно из наиболее информативных исследований социальной базы «движения чаепития» (Skocpol and Williamson 2012).

Одно из значимых нововведений, принесших известность этой книге Скочпол, заключается в особом подходе к государству. В противовес ортодоксальным марксистским и либеральным теориям, Скочпол отказывается рассматривать государство как поле схватки между разными классами или интересами и признает за ним субъектность. Государство «представляет собой ряд административных, полицейских и военных организаций, возглавляемых и более или менее координируемых исполнительной властью» (с. 72). Этот веберийский подход позволяет Скочпол развить обозначившуюся в 1970-е годы в марксизме линию признания относительной автономии государства (Матвеев 2018). С точки зрения Скочпол, все крупные современные революции возникают из противостояния между (нарождающимся) государством и привилегированными слоями, которые опасаются потерять над ним контроль в результате консолидации государственной власти. ИмPLICITно Скочпол пытается показать, что именно в тот исторический момент, когда государства обретают относительную автономию от элитарных классов и пытаются создать собственный бюрократический аппарат, с наибольшей вероятностью происходят революции. Это же приводит ее к мысли о том, что запас социальных революций к настоящему времени практически исчерпан, поскольку современные государства везде уже выстроены. Как мы знаем, этот прогноз оказался неверным, однако сама по себе идея о том, что накапливающиеся в системе противоречия проявляются в запоздавших модернизационных рывках с целью укрепить государственное управление, позволяет включить в схему Скочпол и российскую революцию 1991 года.

Еще одно соображение Скочпол, к которому имеет смысл прислушаться сегодня, состоит в том, что революции возникают вследствие комбинации внутренних и внешних факторов. Речь идет вовсе не о внешних врагах, мечтающих трансформировать власть в стране, но о том, что внутривнутриполитическая ситуация всегда является продуктом международного положения: «современные социальные революции случались только в странах, занимающих неблагоприятное положение на международной арене» (с. 60). Под неблагоприятным положением подразумевается наличие слишком большого числа противников, которые создают давление на страну, вынуждающее ее быстро трансформироваться, чтобы не проиграть конкурентную борьбу. Именно сочетание такого давления извне и сопротивление элит изнутри создает двойную нагрузку на государство, которое оказывается между Сциллой и Харибдой, пытаясь укрепить аппарат, чтобы модернизировать страну. Как показывает Скочпол, если в этой ситуации имеются массы, на которые могут опереться будущие революционеры, государство фактически обречено.

Порядок, который возникнет на месте старого, не вполне детерминирован исходной революционной ситуацией. Однако общая государственническая ориентация Скочпол приводит ее к выводу, что вновь возникшие государства неизменно

оказываются в существенных чертах сильнее прежних – так что современная история является процессом непрерывного укрепления государства, шествующего по ней маршем. Это вынуждает Скочпол дать оценку сильным государствам, возникающим после революций и получающим беспрецедентную власть. Как можно видеть, ее симпатии находятся на стороне маоистов, которые, в отличие от большевиков, работают на постоянную политическую мобилизацию масс (с. 488). Параллельно, впрочем, приходится признать, что политическое равенство и участие во многом сфабрикованы партией с целью обеспечения легитимности. Вера Скочпол в то, что сильное государство является мотором социального прогресса, обнаруживает противоречие: с одной стороны, революции приносят с собой позитивные общественные преобразования за счет укрепления государства, а с другой – государство по своей природе противоречит принципам равенства и свободы, которые революции призваны воплотить.

Книга Скочпол, написанная с академическим хладнокровием и отстраненностью компаративиста, позволяет спокойно посмотреть на феномен революции, который Россия сегодня так настойчиво вытесняет. Этот перевод стал не только своевременным, но и доступным для читателя: выполненный Сергеем Моисеевым под редакцией Дмитрия Карасева, он легко читается и сохраняет авторский стиль и аргументацию. Основные понятия переданы четко и переведены с должным вниманием, редактор также позаботился о том, чтобы указать русские источники в тех случаях, когда Скочпол ссылается на работы, существующие на русском языке. Ни одно издание не обходится без недостатков: например, в нескольких случаях в книге возникают ошибки при русской транслитерации немецких фамилий, а читателю наверняка помогло бы введение, уточняющее, как исследования революций изменились за четыре десятилетия, прошедшие с выхода книги. Тем не менее благодаря старательному и высококвалифицированному труду редактора и переводчика у русского читателя появился важный инструмент для понимания природы и динамики революций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давыдов, Юрий. 1995. «Эволюция теоретической социологии XX века». *Социологические исследования* 8:53–59.
- Матвеев, Илья. 2018. «Государство как независимая переменная: “Организационный реализм” в исторической социологии и российский случай». *Неприкосновенный запас* 2:34–50.
- Gurr, Ted Robert. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Johnson, Chalmers. 1964. *Revolution and the Social System*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Shanin, Teodor. 1972. *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society; Russia 1910–1925*. Oxford: Oxford University Press.
- Скочпол, Theda, and Vanessa Williamson. 2012. *The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism*. Oxford: Oxford University Press.
- Tilly, Charles. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley.